

ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ В СВЕТЕ УПК РФ

В статье рассматриваются важные для науки вопросы, относящиеся к проведению такого следственного действия, как проверка показаний на месте в свете УПК РФ.

Регламентация в УПК РФ нового следственного действия, названного «проверка показаний на месте» (ст. 194), – явление, безусловно, положительное. Законодатель расширил возможности доказывания.

Это следственное действие рождалось мучительно и долго, вызывало и вызывает до сих пор неоднозначную оценку научных и практических работников. Страсти разгорелись уже после принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, в процессе подготовки УПК РСФСР, который вступил в действие с 1.01.1960 г. В то время законодатель не считал целесообразным вводить такое следственное действие в УПК РСФСР. Однако в пяти союзных республиках бывшего СССР (Латвийской, Литовской, Казахской, Таджикской и Туркменской) было регламентировано анализируемое следственное действие.

Следует отметить, что многие исследователи сходились во мнении о том, что такая проверка проводилась, когда в этом возникла необходимость, и до принятия Основ, но осуществлялась она в процессуальных границах осмотра места происшествия и следственного эксперимента.

Можно было ожидать, что многолетний опыт проведения этого следственного действия в указанных союзных республиках и опубликованные аргументы ученых будут учтены законодателем при разработке нового следственного действия в УПК России, но этого не случилось. На основании изучения практики проведения этого следственного действия на протяжении более 3-х лет в России в литературе отмечается, что вопрос о сущности, процессуальных и тактических особенностях этого следственного действия продолжает оставаться актуальным. Например, Е.В. Шишкина справедливо замечает, что «...некоторые весьма важные вопросы, связанные с сущностью проверки

показаний на месте, остались не решенными до конца» [1].

Полагаем, что с такой оценкой следует согласиться. В части первой ст. 194 УПК говорится: «В целях установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, показания, ранее данные подозреваемым или обвиняемым, а также потерпевшим или свидетелем, могут быть проверены или уточнены на месте, связанном с исследуемым событием» (редакционную точность мы сейчас не анализируем) [2]. Во второй части статьи излагаются требования к процедуре проведения этого следственного действия.

Анализ следственной практики свидетельствует о том, что получило массовое распространение явление, когда первая часть статьи во внимание не принимается и исполняется только вторая часть. Иными словами, правоприменители вовсе не связывают это следственное действие с возможностью установления новых сведений.

Еще в 1960 г. Г.Н. Александров и М.С. Строгович правильно, на наш взгляд, обращали внимание юридической общественности на следующий факт: «Некоторые следователи и криминалисты думают, что если обвиняемый укажет на месте все так, как было обнаружено и зафиксировано на первом осмотре, то это и будет якобы объективным подтверждением его признания. Но ведь это заблуждение! Подтверждением признания обвиняемого в таком случае оказывается не объективный факт, обнаруживаемый на месте преступления, а поведение обвиняемого на этом месте – на что он показывает, куда идет, где останавливается и т. п. ...Если идти по предлагаемому пути, то источник доказательств остается один и тот же, т. е. им является сам обвиняемый, а не другие объективные данные. Поэтому никакой проверки признания обвиняемого в этих случаях не получится» [3]. Считаю, что приведенную

аргументацию вполне уместно экстраполировать на сегодняшнюю ситуацию.

В подтверждение сказанного приведем пример расследования уголовных дел, когда в 1971-1985 гг. в городах Витебске, Полоцке и прилегающих к ним районах Витебской области было совершено 36 убийств женщин, сопряженных с изнасилованием. За эти преступления были осуждены к длительным срокам лишения свободы 13 человек, а один из них расстрелян. В дальнейшем было доказано, что все 36 преступлений были совершены не ими, а Михасевичем. Следует подчеркнуть, что все из 13 ошибочно осужденных показывали места совершения преступлений и демонстрировали там свои действия. Происходило это следующим образом. Обнаружив очередной труп изнасилованной женщины, следователи после проведения надлежащего осмотра места происшествия закапывали на этом месте порожнюю бутылку с запиской. В ней указывалась примерно такая запись: «Здесь обнаружен труп такой-то». При проведении проверки показаний подозреваемый указывал на это место, где, по его словам, он оставил труп убитой. На этом месте проводили раскопки, обнаруживали бутылку с запиской, что и считалось получением дополнительного доказательства виновности конкретного лица. Таким образом, создавалась лишь видимость объективного показания обвиняемого (подозреваемого) и получения нового доказательства. Между тем, в части второй ст. 77 УПК четко указывается: «Признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств».

Представляется необходимым обратить внимание не еще одно важное обстоятельство. В тех случаях, когда проверка показаний предпринимается лишь для того, чтобы подозреваемый повторил на месте преступления ранее данные им показания, сопровождая это демонстрацией определенных действий, в дальнейшем это дает повод для оговора лица, ведущего расследование. В суде теперь уже подсудимый заявляет, что ввиду определенных обстоятельств вынужден был

вести себя подобным образом, что к нему применялись незаконные методы ведения следствия, это место ему показали заранее и что на самом деле преступления он не совершал. Подобные или тому подобные заявления встречаются слишком часто.

Приведем позицию по этому вопросу адвоката Адвокатской палаты г. Москвы Н.М. Кипниса. Он пишет: «Я думаю, что очень позитивно нужно оценить ст. 235 ч.4 УПК, в соответствии с которой при рассмотрении ходатайства об исключении доказательства, заявленного стороной защиты на том основании, что доказательство было получено с нарушением требований настоящего Кодекса, бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на прокуроре. Это очень важное распределение бремени доказывания. Защита вправе лишь заявить, что доказательство получено с нарушением закона. Например, к обвиняемому применялось насилие (пытки) во время допроса (см. ст. 9 ч. 2 и 164 ч. 4 УПК РФ). Конечно, это не означает, что обвиняемого на самом деле били, но защите не нужно доказывать, что его били. Наоборот, сторона обвинения должна представить доказательство, что обвиняемого не били» [4].

Исходя из природы состязательного процесса, представляется необходимым иметь в виду, что даже в тех случаях, когда после допроса подозреваемого следователь понимает, что имеется вероятность, исходя из полученных данных, обнаружить новые следы преступления, должен решаться вопрос о том, какое следственное действие надлежит провести. Дело в том, что если такая возможность усматривается на месте происшествия, уже подвергнувшегося осмотру, где будет проведена проверка показаний на месте, то защитник подсудимого впоследствии на вполне законных основаниях может поставить вопрос о том, что было проведено ненадлежащее следственное действие. Он будет приводить аргументы в пользу того, что следовало провести повторный (дополнительный) осмотр места происшествия с участием подозреваемого. Что это место уже известно лицу, производящему расследование. Предугадать, какую позицию при этом займет су-

дья в ходе предварительного слушания, весьма проблематично. Отметим только, что основание для спора есть. По этому вопросу Н.М. Кипнис совершенно справедливо замечает: «После того, как в 1993 г. в России был возрожден суд присяжных, практики вспомнили о том, что допустимость доказательств – это не только научная категория, но и правовой институт, применение которого может приводить к позитивным для интересов защиты результатам даже в тех случаях, когда объективно все понимают, кто совершил преступление, но при определенной совокупности достоверных доказательств нельзя вынести обвинительный приговор, потому что эти доказательства не закреплены в надлежащей процессуальной форме» [5].

Спора не возникнет, если из содержания протокола допроса подозреваемого будет видно, что возможные новые доказательства могут быть обнаружены в месте, не известном следователю. Это место может указать лишь лицо, давшее показание. Обнаружение на этом месте новых возможных вещественных доказательств будет свидетельствовать в совокупности с другими доказательствами о виновности данного лица в совершении расследуемого преступления. В этом случае, если он в дальнейшем и откажется от ранее данных показаний, обнаруженные следы создают известный

«запас прочности». Они явятся дополнительным звеном в цепи доказательств, позволивших признать его виновным.

Сказанное проиллюстрируем кратким примером. Две студентки юридического факультета после занятий возвращались домой. Уже стемнело. Они обратили внимание на то, что два высоких стройных молодых человека пытаются их догнать. Возникла мысль, что они хотят познакомиться. Однако молодые люди вырвали сумки из рук студенток, пригрозили им расправой и скрылись. Студентки запомнили внешность нападавших. Преступление было раскрыто: потерпевшие опознали грабителей. Ими оказались студенты другого вуза. В ходе расследования задержанные признали факт ограбления и пояснили, что изъяли из сумок деньги, а сумки выбросили за забор одного из частных домов. Улицу и номер дома они назвать не могли, но согласились показать это место.

Полагаю, что проверка показаний на месте не будет вызывать споров в тех случаях, когда после допроса подозреваемого (обвиняемого, свидетеля или потерпевшего) следователь придет к выводу о том, что в каком-то месте, не известном ему, могут быть обнаружены новые возможные доказательства. В таком ключе и должна быть уточнена редакция статьи 194 УПК России.

Список использованной литературы:

1. Шишкина, Е.В. Некоторые вопросы применения проверки показаний на месте в свете нового уголовно-процессуального законодательства // Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовно-процессуального законодательства. – Екатеринбург, 2003. – С. 520.
2. Законодатель счел возможным определить, что доказательства – это любые сведения, а не фактические данные.
3. Александров, Г.Н., Строгович, М.С. Неправильная практика // Социалистическая законность. – 1960. – №3. – С. 22
4. Кипнис, Н.М. Допустимость доказательств по новому УПК // Возможности защиты в рамках нового УПК России: материалы научно-практической конференции адвокатов, проведенной Адвокатской палатой города Москвы при содействии Коллегии адвокатов «Львова и Партнерь». – М, 2004. – С. 11.
5. Кипнис, Н.М. Указ. соч. – С. 10.